

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006

АТТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Р.Г. Цопанова
Э. Чангизи

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ в рамках научного проекта № 20-512-56001 «Составление контрастивной грамматики осетинского и персидского языков»

Цель данного исследования – определить сходство и различия в образовании атрибутивных словосочетаний в осетинском и персидском языках. Новизна исследования заключается в том, что словосочетания в осетинском языке не исследовались в сравнении с аналогичными синтаксическими единицами в персидском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставительное изучение особенностей атрибутивных словосочетаний в осетинском и персидском языках даст возможность охарактеризовать общее и различное в этих языках в области синтаксиса словосочетания, что будет способствовать при необходимости лучшему изучению и исследованию этих языков в области синтаксиса, послужит также развитию межкультурной коммуникации осетин и иранцев, с которыми сейчас у осетин намечаются тесные культурные связи. Атрибутивные словосочетания в персидском языке чаще всего образуются на основе изафета, в ряде случаев используются послелог -ра и примыкание. В осетинском языке определение традиционно стоит перед определяемым словом и бывает выражено всеми знаменательными частями речи и связывается с ним падежными формами, существительными с несколькими послелогами, порядком слов. Для осетинского языка не характерна инверсия определения, но она возможна при его обособлении и изменении семантико-структурных и стилистических отношений между определением и определяемым словом. Инверсия определения не была чужда древнеперсидскому языку, а также языку скифов и алан, с которыми у осетин общее происхождение, на что указывает, помимо многих других свидетельств, лингвистическое единство этих языков на разных уровнях языковых структур.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, изафет, препозиция определения, осетинский и персидский языки.

Современный персидский и осетинский языки входят в иранскую группу индоевропейской языковой семьи, что подтверждается не только лексическими сходствами в них, но и близостью этих языков в области фонетики и морфологии.

Методологической базой исследования послужили работы по персидскому (Ю.А. Рубинчика, И.К. Овчинниковой, А.К. Мамед-Заде, М.В. Мошало, С.Э. Талыбовой и др.) и осетинскому языкам (В.И. Абаева, Т.А. Гуриева, Т.Т. Камболова и др.). Содержание работ указанных авторов отражает авторские концепции иранистов и осетинистов о синтаксических особенностях осетинского и персидского языков. В данной работе использованы методы: описательный, сопоставительно-контрастный, этимологический анализ, который помогает установить, на базе какой словообразовательной модели возникли сложные слова в осетинском языке с атрибутивными (инверсивными) связями их компонентов. Используется также стилистический метод, необходимый для определения дифференциальных признаков употребления инверсивных атрибутивных конструкций в различных текстах. Сопоставление осетинского и персидского языков идет на уровне двух подсистем языка – синтаксиса и морфологии, т.к. синтаксические связи и отношения можно установить и определить, опираясь на морфологию: формы слов (падежи), служебные части речи (предлоги и послелого).

В осетинском языке синтаксические отношения в различных по структуре и семантике словосочетаниях выражаются следующими грамматическими средствами: 1) падежными формами (*мае уды гага* – букв.: моей души зерно, *дзурыныл фæвæй-йын* – начать говорить) (переводы на русский язык здесь и далее – наши); 2) предлогами (*æнæ дау цауын* – без тебя идти, *æд хъуын*, *æд хъис* – целиком, букв.: с волосом, со щетиной); 3) послелогами (*лаууыди суадонь цур* – стояла у родника, где *цур* – послелог; *карчы нæмьджы йас цыхт* – букв.: сыр размером с зернышко для курицы, где *йас* – послелог); 4) порядком слов (*цыдæр*

æнахуыр æнцойад – какое-то непривычное спокойствие, *туг хастæгæй* – букв.: кровь+родством). В осетинском языке два предлога: *æд* (с) и *æнæ* (с), но много послелогов.

В персидском языке развита система предлогов, послелогов – пять, из них лишь послелог *-ra* не имеет самостоятельного лексического значения, он выполняет только синтаксические функции [1, 288]. Основными средствами связи компонентов словосочетаний в персидском языке являются предлоги, изафет и порядок слов [2, 92].

В осетинском языке между компонентами словосочетаний выделяют следующие синтаксические отношения: атрибутивные, объектные, обстоятельственные, субъектные, когда зависимая форма имени существительного в них обозначает действующее лицо или предмет (*цардæй æфхæрд* – обиженный жизнью, *дохтырай уæгъдгонд* – освобожденный врачом) и комплетивные (*разындис хæдзардзин* – оказалась бережливой, *ссады тæпп* – горстка муки, *дыууæ æмбалы* – два друга). Их можно найти и в персидском языке.

В атрибутивных словосочетаниях в осетинском языке определение обычно стоит перед определяемым словом – существительным. Другой порядок: определяемое слово – определение – не является традиционным [3, 108], но определение может стоять в постпозиции к определяемому слову. Атрибутивные словосочетания с инверсией в осетинском языке называют «псевдоопределениями» (К.Е. Гагкаев) и «конструкциями изафетного типа» [4]. Изафет – «сочетание определяемого с постпозитивным определением» [5, 166].

Синтаксическая структура «определяемое слово – определение» целенаправленно используется и в стилистических целях в поэтических произведениях. В целом инверсивные определения выполняют функции, значимые в различных типах речи.

Персидский язык относится к западноиранским языкам, а осетинский – к восточноиранским. Они имеют много лексических сходжений [6, 27]. Например: *берадӕр*

– *æрвæд* (брат, родич), *сæр* – *сæр* (голова), *гарм* – *хъарм* (теплый), *сайт* – *сахат* (час) и др. Общие особенности имеются и в грамматике. Но различий на всех уровнях двух языков значительно больше.

«Современный персидский язык в грамматическом строе далеко отошел от древних иранских языков, – отмечают И.К. Овчинникова и А.К. Мамед-Заде. – Он является языком аналитического типа. В нем отсутствуют падежные формы, а синтаксические отношения имен выражаются главным образом аналитическими конструкциями (предложными, послеложными, а также синтаксическими средствами типа порядка слов и т.п.» [1, 9]. Так как осетинский язык ближе к древнеперсидскому, чем к современному персидскому, то многие грамматические структуры в современных вариантах этих языках не образуют параллельные ряды.

Определения в постпозиции в осетинском языке при их обособлении не всегда меняют свои семантико-структурные особенности, но они становятся средством выразительной характеристики предмета или лица. От остальной части предложения отделяются паузой и выделяются логическим ударением. Обособленные определения бывают выражены:

– прилагательными во всех степенях сравнений: «*Йæ зарæджы уый ракаены, хъазуат лæппу, / Æндонахсар, куыд тых кæны фыдызнагтыл*» (Г. Бараков). – «В своей песне он говорит, как отважный парень, / **Со стальной отвагой** (букв.: сталь+отвага) побеждает врагов»; «*Арвай æрхауд дыдыз рух – ирд амæ сыгъдæг*» (Ш. Джикаев). – «С неба упал лучик – **яркий и чистый**»;

– причастным оборотом, причастием: «*Уыд Тройы хæсты сахъ лæг Паламед, / Хъæбатыр хæстон, зондæй дæр æххæст...*» (Н. Джусойты). – «Был на Троянской войне геройский мужчина Паламед, / **Отважный воин и ума полный**».

Такие синтаксические структуры создают языковые особенности фольклора – сказовую мелодику и особый ритм: «*Зæрдæхсайгæ куы рацæуы Азджериты / Чысыл Куыцыкк, хъæбатыртæй хъæба-*

тырдæр» (Г. Бараков). – «Встревоженный уходит Азгериевых / Маленький Куыцыкк, **храбрее храбрых**»; «*Борæты Фарныгæн уыди авд фыртты – амæй ай сагдæр, амæй ай æхсарджындæр*» (Нартские сказания). – «У Бораты Фарныга было семь сыновей – **этого этот смелее** (букв.: этого этот более похожий на оленя), **этого этот мужественнее**».

Субстантивированные инверсивные прилагательные в художественных текстах, имитирующих поэтический язык устного народного творчества, чаще имеют форму множественного числа: *Куы разыныци хæрз цæттæйæ сæдæ саргъы / Æд нымæттæ – æвзаргæттæ*. – Виднеются полностью готовые сто седел / С бурками – **отборные**; *Цæуы Куыцыкк – лæгтæй, бæхтæй æдхъарутæ / Кæд ыссарид*. – Идет Куыцыкк – из мужчин, коней **с силами** / Может, найдет; *Сылæй хæрзтæ куыд нæ вæййы!* – Как не бывают из женщин **хороших**; «*Кæм уагътой сæм бæхты хæрзтæ / йе фосы хорз*» (Г. Бараков). – «Где оставляли им коней **хороших** или скот **хороший**».

Определение в постпозиции с определяемым словом образуют акцентуальный комплекс (имеют одно ударение), если определяемое слово стоит в родительном падеже. Самостоятельные ударения эти слова имеют, когда определяемое слово стоит в именительном падеже и выделяется логическим ударением, а от определения отделяется небольшой паузой: *Силæм къуыбырхъус* (силам букв.: бугор+ухо). *Агуындаæ рæсугъд* (Агунда красавица).

Инверсия в словосочетаниях с порядковыми числительными в осетинском языке встречается редко. Например: *Уыцы чингуытæй цытæрæм фыст у сæрмагондæй скифты тыххæй*. – Из этих книг **четвертая** написана о скифах.

В роли инверсивного определения выступают количественно-именные словосочетания с послелогоми *бæри* (количество), *хæстæг* (близко), *æввахс* (близко), обозначающие приблизительное число, определяемое слово бывает в отложительном падеже: *Дыргъдоны бæлæстæй фынддæсмæ' ввахс уыдысты тынг зад*. – В саду из де-

ревьев близко к пятнадцати хорошо уродились.

Из изложенного следует, что изафетные конструкции пока «жизнеспособны, хотя и более архаичны, чем сочетания с препозитивными определениями» [7, 18]. Но следует знать, что эти сочетания не всегда взаимозаменяемы.

В осетинском языке, как и в персидском, нет притяжательных местоимений. Их функции выполняют краткие формы личных местоимений в родительном падеже (*mæ цард* – моя жизнь, *sæ куыст* – их работа) и личные возвратно-усилительные местоимения (*mæхи фæнд* – мое намерение).

В персидском языке, как было сказано, атрибутивные сочетания образуют изафетные конструкции. Морфологическим показателем изафета является *e* (после гласных – *je* и др.), а в ряде случаев на письме не обозначается. «Изафетный показатель не является показателем формы предшествующего слова, а выступает как самостоятельная морфема, появляющаяся на уровне словосочетания» [8, 351].

Инверсивное определение использовалось в древнеперсидском, скифском и аланском языках: др. перс. *xšāyathiya vazraka* «царь великий», *kāra hya tana* «мое войско», букв.: «войско, которое мое».

Инверсия определения используется в скифских антропонимах. Например: *Авдараукоc* (*ар+дар*) «вододержец», «держатель воды» [6, 58], «*Атамацас*: имя популярного нарттовского героя, прославленного музыканта. К. Мюлленхоф видит во второй части др.-иран. *taz* «великий», в первой части, вероятно, *was / wac*, культовый термин, с отпадением начального *w*» [6, 61]. «В скифских названиях рек Северного Причерноморья содержится тот же элемент в более старой форме *dan*, но здесь он стоит не в конце, а в начале *Danapr-*, *Danastr*, *Danuvi*... Таким образом, названия великих черноморских рек построены по известному нам типу скифских «инверсированных» сложных слов: впереди общее понятие «река», а за ним определяющее конкретное наименование». «*Dan-apr* «Ре-

ка-глубокая» относится к осетинскому *arf-don* «глубокая река» [3, 236]. Скифское имя *Pantārāsta* – *фæндараст* (осет.) (букв.: *путь прямой*) [3, 232].

В постпозиции определение стоит и в имени нарттовского героя – *Батраза*. «Батрадз обозначает *Батр уаз*, *Батр уадз* («*сыгъдаг* – Батр святой») [9, 110].

«Все эти факты отражают, как кажется, то более древнее состояние осетинского языка, когда и в развернутой речи (в синтаксисе) определение могло стоять позади определяемого. Пережиточно это состояние дошло до нас в нескольких сказочно-эпических и религиозных наименованиях, в которых украшающий эпитет стоит не впереди, а позади имени» [3, 234].

Инверсия в осетинском языке, помимо поэтических произведений и фольклорных текстов, используется и в разговорной речи. Например, нечленимые словосочетания образованы по типу «определяемое слово – определение»: *ссады хорз* (муки хорошее качество), *зæххы хорз* (земли хорошее качество), *арвы цæах* (неба голубизна). Эти инверсивные определения отличаются семантически и грамматически от соотносительных словосочетаний с прямым порядком слов: *хорз ссад* (хорошая мука), *цæах арв* (голубое небо).

В современном осетинском языке они продолжают использоваться как разговорное и выразительно-изобразительное средство в стихотворных текстах: *Тызмæггæй мæм ма кæс, / Мæ фыды зæронд*. – Грозно не смотри на меня, / букв.: Моего отца старина; *Лæппуйæ рæдийаг / Нæ вæййы æвзæр!* – (Парнем *ошибающийся* – Не бывает плохим (К. Хетагуров); *Лæууыд мæ зæрдыл иу хабар – бердзенаг* (Н. Джусойты). – Помню одно событие – греческое.

В персидском языке при постпозитивном присоединении слов при помощи изафета в качестве распространяющих членов выступают существительные, прилагательные, инфинитивы, порядковые числительные, личные местоимения, субстантивированные и адъективированные причастия [10].

В осетинском языке в зависимости от того, какая часть речи главное слово в

словосочетания, различаются следующие лексико-грамматические типы словосочетаний: именные, глагольные и наречные. Атрибутивные словосочетания входят в состав именных словосочетаний.

Мы рассмотрим атрибутивные словосочетания в осетинском языке в сравнении с аналогичными словосочетаниями в персидском языке. Они возникают при семантико-грамматическом взаимодействии имен существительных в качестве главного слова и зависимых слов – разных знаменательных частей речи [11, 91–114].

Атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции главного слова. Зависимые слова прилагательные (*хорз адаймаг* – хороший человек, *хуыздар адаймаг* – лучший человек). Препозитивное определение, выраженное существительным, стоит в различных падежах без послелогов и с послелогом *хуызан* (подобный), *цурь* (около), *сарты* (через): в именительном (*саг лаг* – букв.: олень мужчина), родительном (*адамы цард* – народа жизнь, *саджы хуызан ахсаз лэппуы* – похожие на оленя шесть сыновей, *хадзарь цурь цахæрадон* – около дома огород), в отложительном (*цыхтæй уæливыхтæ* – с сыром пироги), направительном (*астæумæ дон* – до пояса вода), внешнеместном (*къахфындзтыл кафт* – на пальцах ног танец), союзном (*лагау лаг* – букв.: похожий на мужчину мужчина); местоимения (личные в родительном падеже: *маг* (мой), *даг* (твой) и др., указательные (*ацы бон* – этот день), возвратные (*хи амонд* – собственное счастье, *махи сывæллон* – мой ребенок), вопросительные (*кай зонд* – чей ум, *цай амонд* – какое счастье), неопределенные (*исты хæринаг* – какая-нибудь еда, *кайдæр хъуыддагтæ* – чьи-то дела), определенные (*æппæт цард* – вся жизнь) и отрицательные (*ницавæр бынат* – никакое место); порядковые числительные (*фыццаг фæлварæн* – первый экзамен), наречия, имеющие форму родительного падежа (*знын цард* – вчерашняя жизнь, *амы хъуыддагтæ* – здешние дела), неопределенная форма глагола (с суффиксом *-ын*) в родительном падеже (*дзурыны рæстæг* – время говорить

(говорения), причастия в настоящем, прошедшем и будущем временах (*кафаг лæппу* – танцующий парень, *баст куыдз* – привязанная собака, *аразинаг хадзар* – подлежащий постройке дом).

В персидском языке препозитивные определения бывают выражены «количественными числительными, замещающими числительные местоимениями, счетными словами (нумеративами), атрибутивными сочетаниями, обозначающие меру веса, длины, площади, времени, указательными, неопределенными, вопросительными местоимениями, превосходной степенью качественных прилагательных, порядковыми числительными» [1, 282-284]. Указанные в качестве атрибутивных сочетания «пять гектаров земли», «десять недель занятий» не являются, на наш взгляд, атрибутивными словосочетаниями.

В осетинском языке неоднородные определения с определяемым словом могут быть связаны в именительном и родительном падежах: *бирæ фæлмæн тынтæ* (много мягких лучей), *маг фыды зонд* (моего отца ум), *маг цунаг хъæбул* (мое единственное дитя). Первое определение относится не к определяемому слову, а к словосочетанию – определению с определяемым словом. Неоднородные определения и определяемое слово имеют одно ударение. Благодаря этому, создается плавное звучание всего сочетания. Из однородных определений к определяемому слову относится только последнее определение, образуя с ним акцентуальный комплекс. Остальные имеют самостоятельные ударения: *хъæлдзаг*, *зæрдæхæлар лæппу* (веселый, добрый парень).

В изафетной цепи в персидском языке, кроме последнего определения, остальные определения соединяются изафетной связью *кетаб-е хуб-е мён* – букв.: книга хорошая моя. В отдельно взятых номинативных единицах ударение падает на последний слог слова. Словосочетания рассматриваются как одно слово [12].

Синтаксические отношения между главным и зависимыми компонентами в атрибутивных словосочетаниях (и в осе-

тинском, и персидском языках) строятся на основе двух способов подчинительной синтаксической связи – *управления* и *примыкания*. Управлением связываются зависимые слова, выраженные изменяемыми частями речи: существительными, местоимениями, неопределенной формой глагола (с суффиксом *-ын*).

При связи примыкание формы зависимых слов не меняются. Они бывают выражены неизменяемыми частями речи: именами прилагательными, адъективированными существительными и частицами, местоимениями (вопросительно-относительными, указательными, определенными, неопределенными, отрицательными), глагольными именами (с суффиксом *-аен*), порядковыми числительными, причастиями, нечленимыми (*кадыл маелæг адæймаг* – букв.: умирающий за честь человек) и фразеологически связанными словосочетаниями с постоянным компонентным составом (*ардыгай дæумæ лаг* – ничтожный мужчина (букв.: отсюда до тебя мужчина), *мыды къусчы хуызæн хæдзар* – подобный пчелиной ячейке дом).

В персидском языке в атрибутивных словосочетаниях, состоящих из определяемого и качественного определения, чаще всего в конце изафетной конструкции ставится артикль: *данэзджу-йе хуб-и* – некий хороший студент. Однако для оживления повествования артикль можно поставить непосредственно за именем существительным: ... *данэзджу-и хуб...* [8, 308].

На использование инфинитива в изафетной конструкции в персидском языке приводятся следующие примеры: желание ее увидеть, способность работать, красота восхода солнца – *bar – āmadan-e āftab...* Эти сочетания, видимо, не являются атрибутивными.

Атрибутивные отношения имеются между приложением и определяемым словом. Приложение бывает выражено существительным, и его падеж зависит от падежа определяемого слова – нарицательного или собственного имени существительного и местоимения: «*Атрид-паддзах, цы ран уа Одиссей, / Уым хин æмæ кæлæны фæд*

уыздæни» (Н. Джусойты). – «*Атрид-государь, где будет Одиссей, / Там хитрости и коварства будет след*»; *мах, студенттæ* – мы, студенты; *махæн, студенттæн* – нам, студентам; *чызджыты хуыздæр Косер* – из девушек лучшая *Косер*. Приложение, выраженное словом, может стоять как перед определяемым словом, так и после него: *лæппу-дохтыр* (парень-врач), *æртах-цæссыг* (капля-слеза).

Определение и приложение могут стоять в разных падежах: *чызг-агроном* (девушка-агроном), *чызг-агрономы* (букв.: девушка-агронома).

Между определяемым словом и приложением в разговорной речи могут вставляться и другие члены предложения: «*Уый та æвдæмты ахуыр кодта, Гæба*» (С. Хугаев). – «А он учился в седьмом, *Гæба*».

Определительные отношения существуют между нарицательными существительными и собственными именами (именами людей, географическими названиями, названиями литературных произведений и др.). При этом в функции приложений выступают собственные имена: *горæт Алагир* (город Алагир), *ма ху Люба* (моя сестра Люба).

Можно заключить, что атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках имеют много общих структурно-семантических особенностей. Так, они строятся на основе двух видов подчинительной связи – *управления* и *примыкания*. В роли зависимых компонентов в словосочетаниях могут использоваться, за исключением, одни и те же части речи.

Основное различие в том, что в осетинском языке редко используются постпозитивные определения, а в персидском на первом месте стоят изафетные определения. В осетинском языке атрибутивные определения не имеют специального морфологического показателя – изафета, как в персидском языке. Инверсивные определения в осетинском языке играют роль выразительно-изобразительных средств в художественном тексте и разговорной речи. А также они образуют синтаксическую структуру нечленимых словосочетаний.

Средством синтаксической связи определений в атрибутивных словосочетаниях в осетинском языке являются различные падежи, несколько послелогов и порядок слов. В персидском языке в этой функции преимущественно используется изафет, послелог *-ra* и порядок слов.

Так как ударение в словах и сочетани-

ях слов в двух языках не всегда ставится одинаково, атрибутивные словосочетания произносятся по-разному.

Осетинский язык сохранил в ряде синтаксических позиций постановку определения после определяемого слова как это было в древнеперсидском, скифском и аланском языках.

1. Овчинникова И.К., Мамед-Заде А.К. Учебник персидского языка. М., 1966. Ч. I.
2. Yakubovich I.S. Persian ezāfe as a contact-induced feature // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 91–114.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
4. Гуриев Т.А. Заметки о сочетаниях типа «фыды зæронд» // Осетинский язык онлайн: учебные пособия и справочные материалы [электронный ресурс]. URL: <https://ironau.ru/guriev-izafet.html>
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
6. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
7. Кудзоева А.Ф. Порядок слов и актуальное членение предложения в осетинском языке: монография / Ред. Т.А. Гуриев. Владикавказ, 2002.
8. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского языка. М., 2001.
9. Джыккайтты Шамил. Нарты Батрадз // Мах дуг. 1992. № 10. 106-111 ф. (на осет. яз.).
10. Шафай А. Научные основы персидской грамматики. Тегеран, 1984. С. 21-22. (на перс. яз.).
11. Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале) // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 77-95.
12. Анвари Х., Ахмади Гиви Х. Персидская грамматика. Тегеран, 1996. Т. 2. С. 181-182 (на перс. яз.).

Tsopanova, Rita G. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); tsopanowarita@yandex.ru

Changizi, Ehsan – Allameh Tabataba'i university (Tehran, Iran); ehsan.changizi@atu.ac.ir

ATTRIBUTIVE PHRASES IN THE OSSETIAN AND PERSIAN LANGUAGES.

Keywords: *attributive phrases, izafet, preposition of definition, the Ossetian and Persian languages.*

The purpose of this study is to determine the similarities and differences in the formation of attributive phrases in the Ossetian and Persian languages. The novelty of the study lies in the fact, that phrases in the Ossetian language have not been studied in comparison with similar syntactic units in the Persian language. The relevance of the research is due to the fact that a comparative study of the features of attributive phrases in the Ossetian and Persian languages will make it possible to characterize the common and different phrases in these languages in the field of syntax, which will contribute, if necessary, to a better study and research of these languages in the field of syntax, will also serve the development of intercultural communication of the Ossetians and the Iranians, with whom the Ossetians are now developing close cultural

ties. Attributive phrases in the Persian language are most often formed on the basis of an *isafet*, in some cases postposition 'ra' and adjuncts are used. In the Ossetian language, the definition traditionally stands before the word being defined and is expressed by all significant parts of speech and is associated with it by case forms, nouns with several postpositions, word order. The inversion of the attribute is not typical for the Ossetian language, but it is possible with its isolation and change of semantic-structural and stylistic relations between the attribute and the word it attributes. The inversion of the attribute was not alien to the ancient Persian language, as well as to the language of the Scythians and Alans, with whom the Ossetians have common origin, which is indicated, among many other evidence, by the linguistic unity of these languages at different levels of linguistic structures.

REFERENCES

1. Ovchinnikova, I.K., Mammad-Zadeh, A.K. *Uchebnik persidskogo yazyka* [Textbook of the Persian language]. Moscow, Moscow State University, 1966, part 1. 447 p.
2. Yakubovich, I.S. Persian *ezāfe* as a contact-induced feature. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics]. 2020, no. 5, pp. 91-114.
3. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol I. 601 p.
4. Guriev, T.A. *Zametki o sochetaniyakh tipa «fydy zæronnd»* [Notes on combinations of the "fydy zæronnd" type]. *Osetinskii yazyk onlain: uchebnye posobiya i spravochnye materialy* [electronic recourse]. URL: <https://ironau.ru/guriev-izafet.html>
5. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 576 p.
6. Kambolov, T.T. *Ocherk istorii osetinskogo yazyka* [Essay on the history of the Ossetian language]. Vladikavkaz, Ir, 2006. 463 p.
7. Guriev, T.A. (ed.). Kudzoeva, A.F. *Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya v osetinskom yazyke* [Word order and actual sentence division in the Ossetian language]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2002. 124 p.
8. Rubinchik, Yu.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo yazyka* [Grammar of the modern Persian language]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001. 600 p.
9. Dzhykkaity, Shamil. *Narty Batradz* [Narty Batradz]. *Max doug* [Our era]. 1992, no. 10, pp. 106-111. (in Ossetian).
10. Shafai, A. *Nauchnye osnovy persidskoi grammatiki* [Scientific foundations of Persian Grammar]. Tehran, Novin, 1984, pp. 21-22. (in Persian). [شفائی، احمد (1363). مبانی علمی دستور. زبان فارسی، تهران، نوین، ص ۲۱-۲۲].
11. Ivanov, V.B., Dodyhudoeva, L.R. *Sintaksicheskie otnosheniya imen v severo-zapadnykh iranskih yazykakh (na mazanderanskom i gilyakskom materiale)* [Syntactic relations of names in northwestern Iranian languages (on Mazanderan and Gilak material)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics]. 2017, no. 2, pp. 77-95.
12. Anvari, H. and Ahmadi, Givi H. *Persian Grammar*. Tehran, Fatemi. 1996, vol. 2, pp. 181-182 (in Persian). [چهاردهم چاپ، دوم جلد، فارسی زبان دستور (1375). گیوی احمدی حسن و حسن، نوری، چهاردهم چاپ، دوم ویرایش، تهران، فاطمی، ۱۸۱-۱۸۲].